

XV
A-6987_u

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XXVI НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПИНГВИСТИКА

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЦИТАЦИИ.

Г. Левинтон (ЛГУ).

0.1. Мы принимаем следующее терминологическое разграничение:

Цитация — такое включение элемента "чужого текста" в "свой текст", которое должно модифицировать семантику данного текста (именно за счет ассоциаций, связанных с текстом — источником (цитируемым текстом), в противоположность заимствованию, которое не влияет на семантику цитирующего текста и может быть даже бессознательным. Степень точности цитирования здесь не принимается в расчет.

0.2. Мы вовсе не предполагаем дать сколько-нибудь полную классификацию цитат или какие-либо заключения о сущности приема. Настоящая работа — это только несколько примеров цитат, которые, как кажется, могут представить интерес для построения общей теории.

1.0.2. Манделъштам.

1.1. Цитата-противопоставление: "Печаль моя жирна" (Манделъштам) противопоставит пушкинскому "Печаль моя светла" и в то же время является цитатой из "Слова о полку Игореве": "Тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи".¹ Т.е., может быть, пушкинскому *sehnsucht* противопоставит "боль века" (ср. стихи 1923-25 гг., ср.: "В ком сердце есть, тот должен слышать, время, / Как твой крабль ко дну идет" — "Tristia"). Возможно, что имплицитно ассоциируются со всем пассажем из "Слова": "Уже бо, братице, не веселая година вьстала... Вьстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,² <...> усобица княземъ <...> И начяша князи про малое "се великое" мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати <...> погибашеть жизнь Дажьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вьци челоукомъ скратишась" и т.д.

1.2.

И я хочу вложить персты
В кремнистый дуть из старой песни,
Как язву, заключая в стык
Кремень с водой, с подмоной перстень.³

¹ О самой возможности этой цитации свидетельствует строка "Как "Слово о полку", струна моя туга" в "Стансах".

Ср.: во фразе, предшествующей цитированной: "А вьстона бо, братице, Киевъ тугок".

² Ср. цитирование этой фразы в "Смерти Вазир-Мухтара" Тьянова. Возможно, это актуализирует данное место "Слова" в корпусе "реминисцентных" текстов, т.е. таких текстов, цитаты из которых могут быть узнаны читателем. Ср., например, неузнаваемое в "патетическом" контексте: "Я правду о тебе порасскажу такую, / Что хуже всякой лжи" — из "Горя от ума" (действие 3, явл. 8).

³ "Трифельная ода" — в кн.: О. М а н д е л ь ш т а м. Стихотворения. Л., 1928.

Здесь ассоциация "Кремнистый путь - тернистый путь". Последнее имплицитно ассоциируется ассоциациями "Фома - Христос". Первое - цитата из Лермонтова (ср. начало того же стихотворения: "Звезда с звездой, могучий стык, / Кремнистый путь из старой песни"). Интересно, что цитируется не Лермонтов, а "песня", т.е. бытовая традиция.⁴ Отметим в этом же тексте: "Блажен, кто называл кремней/Учеником воды проточной" - возможно, тема Фалеса из "Классической Бальпургиевой ночи" в "Фаусте", ср. также "геологическую" тему в "Кантоне" и "Разговоре с Данте"⁵ (сама эта строчка связана с "Блажен, кто посетил сей мир..."). Здесь сложный комплекс ассоциаций не позволяет дать прямой интерпретации цитат, видимо, здесь это понятие вообще мало применимо, так как речь идет не об отдельных цитатах, а о создании некоего языка, внутри которого семантические связи могут определяться литературными ассоциациями.⁶

2. А.К.Толстой.

Всему настал покой, прими ж его и ты;
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоих обильна иль скудна? - ("Прозрач-

ных облаков спокойное движение").
Здесь можно увидеть модифицированную цитату из пушкинского "Свободы сеятель пустынный". Если это предположение верно (стихотворение было известно Толстому, а, учитывая, насколько существовал у Толстого круг пушкинских заимствований, цитация здесь весьма вероятна?), то за счет цитаты в тексте имплицитно "ответ" на последнюю строку: "Но потерял я только время, / Благие мысли и труды". Это весьма существенно для Толстого, учитывая также очерченность "вопросов", которая в данном случае соответствует их "сравнительной важности". Для Толстого свершение задачи "по совести" важнее, чем результаты этого свершения, ср. заключительные слова "Князя Серебряного" и соотносимые с ними мотивы в Трилогии и Балладах (Захарьин-Юрьев, Репнин). Здесь нечто вроде средневековой категории "славы",⁸ что особенно интересно в связи с толстовским культом рыцарства. Однако у самого Пушкина тема сеятеля, как показывает эпиграф, связана с Евангелием.⁹ Для Тол-

⁴ Ср. замечание Ю.М.Лотмана о "Жил Александр Герцович" в: Ю.М.Лотман. К анализу двух поэтических текстов. - Тезисы Ш Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1968.

⁵ Это - позднее преломление темы "камня".

⁶ Эта мысль подсказана нам Р.Д.Тименчиком, ср. также: Ю.М.Лотман. Стихотворения раннего пастернака и некоторые вопросы структурного описания текста. - Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 236, Тарту, 1969, с. 229, таблица.

⁷ Несмотря на распространенность мотива "сеятеля" во второй половине XIX века.

⁸ Ю.М.Лотман. Оппозиция "честь - слава" в светских текстах киевского периода. - Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 198.

⁹ Кстати, этот эпиграф, как правило, неверно идентифици-

того такая связь своего *exegi* monumentum с евангельскими мотивами весьма симптоматична. Она становится в ряд с "Мадонной Рафаэля" и рядом стихов, связанных с темой боя, гибели, жертвы, искупления. Таким образом, происходит некоторое уподобление героя (субъекта) Христу, имплицитное ассоциациями цитируемого текста и подтверждаемое другими стихами А.К.Толстого.

руют с Ев. от Матф. На самом деле он не совпадает ни с одним из соответствующих стихов в тех трех Евангелиях, где есть этот стих (Матф., Марк, Лука), но ближе всего он к Лук., XIII, 5: Изыде сеяй сеяти семени своего (ср.: Марк: IV, 3: Се изыде сеяй сеяти, Матф., XIII. 3: Се изыде сеяй, да сееть).

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЦИТАЦИИ

(А.К.Толстой).

Г.Левинтон (ЛГУ).

А.К.Толстой:

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звезды светят так светло,
От чего ж в душе твоей так
И зачем на сердце тяжело?

М.Ю.Лермонтов:

В небесах торжественно и чудно (!)
Спит земля в сияньи голубом.
Что же мне так больно и
так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

1. Здесь цитация очевидна на нескольких уровнях: метрическом, лексическом и др. Если синтаксически соотношение двух текстов достаточно сложно, то интонационно они сходны: строфа у Лермонтова представляет в данном случае некоторое синтаксическое единство, т.е. в обоих случаях — одна синтаксическая единица с бессюжетной связью, в этом случае "знаками препинания" и числом формально выделяемых предложений можно пренебречь, а интонационно эти единицы оформлены одинаково: малые разделы после нечетных строк, большие — после четных¹. Отличие — в "И" перед четвертой строкой у Толстого, вообще отличной от лермонтовской по синтаксической структуре². Возможно, это различие четвертых строк связано с различием в позициях строк в стихотворениях: на эти строфы в обоих случаях приходится переход от "тезы" ("мир прекрасен") к "антитезе" ("человек несчастлив"), а синтаксически этот переход оформлен одинаково (см. подчеркнутые в тексте слова). Но после этих строк стихотворения существенно различаются: у Лермонтова это — практически начало стихотворения, а у Толстого — предпоследняя строфа, т.е. практически — конец. Этим, видимо, определяется сближение 1-х и 3-х строк и расхождение 4-х. Синтаксис двух строк находится в таком соотношении: несовпадают 4-е строки, очень различаются 2-е (одинаковая конструкция с различным распространением), близки 3-и (различие: личное местоимение у Лермонтова — объект, у Толстого — атрибут, поэтому семантически тождественные фразы оказываются скорее морфологически омонимичными, чем синтаксически сходными). Наконец, в 1-х стихах предикаты морфологически омонимичны, но конструкции при этом различны: у Лермонтова предикаты — так называемая категория состояния, у Толстого предикативное прилагательное). Эта омонимия играет существенную роль в связи с рифмовкой. У Лермонтова названная форма стоит в подрифменном положении в

¹ Знак (!) после 1-го лермонтовского стиха не имеет интонационного смысла, он скорее должен препятствовать синтаксической омонимии, возможности чтения первой строки как набора обстоятельств у глагола "спит".

² Это отчасти компенсируется морфологически ("зачем" — "о чем") и фонетически (т'аэж'ьло — жал'е'л'у), повтор поддержан латентным исходом обоих слов и мягкость перед а в начале группы соотносится с интервокальным в конце соответствующей группы.

нечетных строках, а у Толстого — омонимичная ей форма — во всех четырех (в 3-й строке — не омонимичная, а тождественная форма). Л перед подрифменным ударным у Толстого (больше Л в толстовском тексте нет) соответствует скоплению Л в четных стихах у Лермонтова (2 раза во 2-ом стихе — 1 раз перед ударным, 1 раз после ударного, и 3 — в 4-ом стихе, все 3 раза перед ударным), отметим, что у Лермонтова Л встречается и вне четных стихов (1 раз в 3-м стихе — после ударного). Существуют, наконец, чисто лексические взаимосвязи: 1-й стих — "небо" — "небеса", 2-й — "светят", "светло" — "сиянье". Тавтологический повтор "светят... — светло", возможно, соотносится с лермонтовским "так больно и так трудно" (у Толстого однократное "так мрачно").

2. Интересны соотношения более высоких уровней: противопоставление "тезы" и "антитезы" у Лермонтова реализуется в виде противопоставления некоторого общеположительного значения прилагательных и значения "покоя" ("Спит земля") общеприцательному значению предикатов и "беспокойности" глаголов ("жду", "жалею"), т.е. "Земля спит, а я не сплю" (ср: "Один я" (в 1-й строфе). У Толстого то же противопоставление конкретизировано в противопоставлении света и мрака: "ясно" и "прозрачно", тавтологическое "светит... светло" — "мрачно" и "тяжело" (последнее — в 4-ой строке, вообще выпадающей из системы на многих уровнях). Однако конструкция тезы в общем одинакова: у Лермонтова противопоставление Неба и Земли в первой и второй строке снимается общеположительным значением предикатов, Земля и небо объединяются в значении "мир", которому противопоставлен "человек". У Толстого идет специфическая игра на лермонтовских аналогиях: в первой строке даны "утро" (т.е. "день") и "небо", по аналогии с Лермонтовым следует ждать во второй строке "землю" (ср. 1-ую строфу лермонтовского стихотворения, где в обратном порядке повторена ситуация "тезы" описываемой строфы: "пустыня (земля) внемлет богу, / И звезда с звездою говорит"), но вместо нее — "звезды", т.е. противопоставление "земля" — "небо" заменено на "день" — "ночь": вместо конкретной единовременной ситуации Лермонтова у Толстого описывается "миропорядок" (т.е. "настоящее время" предикатов имеет разный смысл в двух текстах). Однако снятие этой оппозиции (как и у Лермонтова) начинается уже с того, что на втором месте в строке — в обоих случаях "небо", и оппозиция полностью снята за счет приписывания обоим временам ("дню" и "ночи") атрибута "светлый". Т.е. при различии описываемых ситуаций, при специфической игре на отталивании от лермонтовской конструкции — на более

3 Игра, о которой идет речь, в частности показывает сознательный характер заимствования и сознательную организацию наших уровней в зависимости от этой игры (ср. морфологическую омонимию — тоже своеобразная игра).

высоком уровне конструкции оказываются тождественными. Разные и противопоставленные оппозиции снимаются в более значимой оппозиции: "мир" - "субъект". Однако именно здесь возникает значимое противопоставление местоимений "Ты" в толстовском тексте и "Я" в лермонтовском. Нам представляется возможной следующая интерпретация: текст (строфа) представляет собой явную цитату, специально рассчитанную на сопоставление с цитируемым текстом. При этом сопоставлении оказывается, что в практически одинаковых контекстах в одной и той же позиции употреблены слова "Я" и "Ты". На высших уровнях - в отличие от фонологии - недополнительная дистрибуция вовсе не обязательно свидетельствует о принадлежности к разным классам. Здесь это положение можно прочесть как отождествление "Я" и "Ты". Такое чтение подтверждается общим соотношением местоимений первого лица (и второго) в корпусе стихов А.К. Толстого (речь идет, разумеется, о совершенно определенном "Я", не о том, которое встречается в посланиях и посвящениях, а о совершенно определенном "Ты", относящемся к женщине, героине стихов Толстого, соотносимой с С.А.Миллер). Как правило, субъекту первого и второго лица приписываются одинаковые предикаты, во всяком случае, это относится к мотиву "горя" (ср. ряд стихов "от 1-го лица", связанных с мотивом искупления "чужого горя", страдания "за других" и т.д. и, например, "Так в сердце бедное твое, / Стекает горе отовсюду"). Таким образом, здесь цитируемый текст является необходимым компонентом цитирующего текста, он восполняет недостающую часть параллелизма, который позволяет сделать отождествление "субъекта и объекта", т.е. "выразить мысль", весьма существенную для Толстого.